

Ничем особенным не был приметен в станице своей Семен Макеев: роста среднего, сероглазый, с веснушками на простом круглом лице. Правда, за последнее время Семен постарел. На лице появились новые морщинки, а в волосах прибавилась седина. Заострился нос. Даже жена заметила это.

лет пяти-шести. Она ползла, сама не зная куда, и громко плакала. Сделав крутой поворот, Семен Макеев соскочил с мотоцикла, взял на руки девочку.

— Вперед! — прокричал ему сержант. Но Семен сделал вид, что не расслышал, и, отвернув пробку от фляги, стал поить девочку. А сам сказал себе:

росло. Сделал бы ты, Сема, дома.

— Нет, поеду. Тянет туда. Будто сердце там мое зарыто. **В РОСТОВЕ** старый фронтовик никого из знакомых не встретил. Пообедав в столовой, Семен сел в автобус, шедший рейсом «Ростов—Матвеев Курган». На полпути к рабочему поселку сердце бы-

РАССКАЗ

„Я ТУТ ВОЕВАЛ...“

Но характер у Семена остался прежним. Целый, напористый, что ни на есть решительный. Одно новое: стал часто задумываться. И было о чем! Семен Макеев — фронтовик. Еще в 41-м году юношей попал Семен на передовую и с той поры пробыл на фронте до конца войны. Во многих переплетах бывал. С боями прошел Калмыцкую степь, участвовал в освобождении Ростова. Но особенно днями в своей жизни он считает Миус-фронт. Здесь в 1943 году на высотах шли длительные ожесточенные бои. Начиная с февраля по конец августа Семен жил в траншее, участвовал во многих вылазках за «языком», был дважды ранен, потерял многих товарищей, был засыпан в окопе и полуживым вытаскен друзьями, глохнул от артиллерийских канонад.

И раньше Семену виделись тревожные сны, слышались разрывы гранат. А в последние годы все чаще стали снится погибшие друзья, и все больше те, что пали на миусских высотах. Как-то проснулся весь от пота мокрым: услышал во сне голос своего тезки Семена Жихарцева, уроженца Ростовской области: «Прикончи меня, Сема... Зря тащишь. Все равно помру... Помру... Помру!» Выбываясь из сна, влохот тогда Семен на плащпалатке друга с передовой в санчасть, но так и умер по дороге Жихарцев. А недавно Ваня Чурюмов приснился. Лопухий, неказистый, а весельчак на весь полк. Пошли в групповой поиск за «языком». Взяли фашиста в плен на рассвете, а когда возвращались, вражеская пуля подметила Ваню в самое сердце. Упал Ваня на зеленую траву навзничь, глянул на друзей мутнеющими глазами, глухо прошептал: «Прощайте...» Семен Макеев снял с головы каску, нарыл в нее цветов, мокрых от росы, как от слез, и оставил ту каску на могиле друга. И легла на лицо Семена еще одна морщина.

А в прошлый четверг через станицу тягач колхозный проходил, и на повороте вплотную увидел Семен оскал отполкованных гусениц. Посмотрел тягачу вслед и тоскливо стало на душе, ничего не видел вокруг, одно в ушах стояло неслыханно: сухой лязг гусениц да истощенный плач девочки. Было это в конце августа на Миусе. Полк прорвал оборону противника под Александровкой. Фашисты бежали. Наши бойцы преследовали их. Семен Макеев, пересев на трофейный мотоцикл, вырвался вперед. Вдруг в подсолнухах, у воронки от снаряда, он заметил девочку

«Подвезу до первого села, отдаю кому-нибудь из жителей. Не бросать же малютку на поле».

Посадил Семен девочку на бензобак мотоцикла и прикрепил ее ремнем на всякий случай.

А тут танки появились, «Сволочи!» — успел только подумать Семен, и взрыв опрокинул мотоцикл. Когда вернулось сознание, Семен с трудом приподнял голову. Мотоцикл горел. Перебитый осколком ремень валялся рядом, а чуть подальше лежала девочка и плакала. «Жива, значит...»

А по полю мчался вражеский танк. Гусеницы подминали стебли подсолнухов, и уже совсем близко над девочкой мелькали блестящие траки. Семен Макеев стал беспомощно ощущать себя. Гранат не было. «Эх, — заскрипел он зубами, — в самый раз гранату бросить!» Но тут раздался резкий и короткий толчок. Танк дернулся и замер, из него густо повалил дым...

Семен побрел к дому. Лаяла чужая собака, пытаясь подступить ближе и укунить его за каблук, но Семен словно не замечал ее. В глазах мелькали блестящие траки гусениц, виделось искаженное судорогой лицо девочки и поле миусское — поле с растоптанными и разбросанными по нему подсолнухами. «Каков он теперь, Миус? Небось, еще сохранились окопы, доты, дзоты...»

И потянуло солдата к тем местам, где воевал!

НАУТРО, когда дети еще спали и петухи первыми заголосили побудку, Семен Макеев достал из сундука медали «За отвагу» (их было у него три), почистил их тряпкой, потертой о белеющую мелом стену дома, осторожно привинтил орден Отечественной войны к мундиру и молча стал собираться.

Лицо у Семена было сосредоточенным, задумчивым и несколько одутловатым. Таким оно бывает у Семена редко, когда наряжается на торжественные собрания, посвященные Дню Победы, на которых его всегда избирают в президиум.

— Ордена-то зачем?

— Надо, жена, надо.

У жены защемило сердце, когда Семен подошел к кровати, в которой спали малышки Миша и Лена.

— Небось ненадолго уезжаешь?

— Не на войну иду, не беспокойся. Вернусь.

— И что это тебе вздумалось. Там теперь все с землей сравнялось. И окопов никаких нет. Все травой-бурьяном по-

валого война затопилось: миусские высоты, дрожащие в знойном мареве, вызвали в нем душевное волнение.

— Стой, — попросил он глухо шофера. — Остановись, браток. Я сойду.

— До остановки еще далеко, — пояснил водитель.

— Пешком пойду. Тяжело мне...

Шофер, покосившись на Медали и ордена Семена, остановил автобус.

Было далеко за полдень, когда Семен Макеев взобрался на знакомую высоту.

«Вот он Миус! Вот где жизнь в обнимку со смертью ходила. Вот и тот снат, где Андрюша Воробьев во время атаки упал. Там на берегу реки разорвало миной Ваню Железничкова... А там могила Вани Чурюмова...» Семен почувствовал удущье от нахлынувших чувств. Бледный, сняв с головы фуражку, стоял воин, обдуваемый сухим ветром Приазовья. На пыльной дороге показались бричка, повозочный спросил издалека:

— Кого шукаешь?

— Никого, — ответил Семен.

— Я тут воевал.

— Многие тут воевали. Смотри, на мину нарвешься. Но!

стегнул он кнутом лошадь. Прошла женщина краем оврага В руках несла сверток. Остановилась. Наверное, печальный вид Семена и на нее подействовал.

— Не могилу чью ищешь? — спросила она.

— Я тут воевал, — с достоинством ответил Семен. — Ишь, как все заросло! Как будто и не было тут совсем передовой. А не примете ли в свой колхоз жить? — неожиданно спросил он.

Женщина глянула ласково. — Жить остаться хотите здесь?

— Останусь... Тут все мне родное, — обвел он рукой окрестности.

— Зайдите к директору. У нас совхоз.

— Зайду! Обязательно зайду, — сказал уверенно Семен.

Макеев не торопясь ходил по траншеям, поросшим полынью. Ветер шевелил его седые волосы, обдувал лицо, покрытое морщинами. Медали блестящие на солнце и мягко и тонко звенели при каждом его движении. Казалось, они переговариваются с человеком, с которым вместе шагали по дорогам войны.

Возле реки Семен достал из кармана бархатный мешочек, шагнул к яме, из которой торчал скурченный лист дюрала и, присев, погрузил ладонь в теплый сухой чернозем.

П. БЕЛЯКОВ.